

УДК 811. 512. 162+811. 12

ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА КАК ИСТОЧНИК СИНОНИМИИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Байрамова Г.

*Институт языкознания Национальной академии наук Азербайджана
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В данной статье анализируются синонимы на лингвокультурологическом уровне и значение метафорических синонимов в Азербайджанском и итальянском языках. Также отмечается, что по признаку метафорической синонимии ряд семантической градации делает возможным применение к новому измерению взаимосвязи различных понятийных связей.

Ключевые слова: синоним, метафора, сигнификат, культурологический, внутриязыковой

Постановка проблемы. Справедливо будет согласиться с замечанием А. Вербицкой о том, что каждый язык сам по себе является олицетворением некой «семантической вселенной» [4, 299]. И метаморфозы, происходящие в пределах этой «семантической вселенной», в первую очередь, регулируются психологией, мировоззрением, взглядом на жизнь и ценностями людей, говорящих на этом языке. С этой точки зрения не удивительно, что ключ к объяснению семантических переРождений, наблюдаемых в том или ином языке, кроется в своде закодированных символов прошлого и восприятию жизни носителей этого языка.

Для восприятия в метафорическом образе репрезентативного значения какого-либо предмета, явления, или события необходимо иметь понятие о системе символов данной системы. Интересно, что конкретная система символов, способная дешифроваться на лингвокультурологическом уровне, помогает понять значение «метафорических синонимов», сосуществующих в том или ином языке. На просторах семиологии любого языка наряду со случаями стандартной лексической синонимии имеется и особый вид синонимов, считающийся показателем метафорического творческого потенциала данного народа. По известным и не вызывающим споров причинам подобные случаи синонимии, если и не отождествлять с фактами лексической синонимии, то неверно и однозначно говорить об их контекстной зависимости.

Говоря иными словами, метафорические синонимы – это отнюдь не зависимые от определенного контекста и толкуемые в рамках заданного контекста стилистические синонимы. Случаи общей сигнификации, о которых мы поведем далее речь, не ограничиваются наличием фактов метафорической синонимии и фактов, являющихся авторской «находкой» и соответствующей сюжетной линии определенного произведения. Мы обратимся к «внутриязыковым» случаям метафорической синонимии, обусловленным этнопсихологическими факторами и объясняемым на лингвокультурологическом уровне. В качестве «внутриязыковых» случаев мы будем понимать некое метафорическое синонимическое состояние, способное семантически

кодифицироваться в пределах языковой системы, не требующее дополнительного объяснения и легко понимаемое носителями данного языка. Заметим, что достаточно несколько выйти за пределы данного состояния, и мы столкнемся с тем, что в некоторых случаях метафорической синонимии, которые мы рассмотрим далее, внутренний словарь кодификации носителей определенного языка, без ограничения переходит в область международного использования. С учетом этнокультурологических факторов, данный вопрос связан с социальным «статусом» конкретного общества, т. е. с возможностями и уровнем его выхода на мировую арену.

Метафорические описания, представляют собой более образную характеристику в отличие от привычного нам описания того или иного предмета, явления, состояния, чем служат обогащению синонимии. К примеру, если в статических синонимических рядах сигнификативная общность конкретных единиц номинации играет решающую роль, то в метафорических синонимах наблюдается иная картина. Метафорическим синонимам присуща не имплицативные связи, возникающими между двумя субъектами первичного денотата, а имплицативная связанность (более подробно см. 2, 153-172), при которой на денотат переносится новое значение. И как результат, и мы сталкиваемся со случаями сигнификативной общности.

Общеизвестно, что «за всю историю изучения метафоры накопилось множество определений этого явления. Вот лишь некоторые из них: метафора – это «язык страсти» (Роджерс), «коллапс значения» (Рикер), «черная дыра языкового мира» (Фрейзер), «категориальная ошибка» (Райл), «солнечное затмение в сфере языка» и т. п. [6, 171]. Именно «называние» метафорой предмета, явления, состояния из окружающего мира в ином «представлении» превращает ее (метафору) в интересный материал с точки зрения исследования человеческой психологии, в том числе и исследования богатства психологии отдельных народов. “Кто-то может подумать, что если метафора “рисует словами”, это значит, что дальше слов метафора не проникает. Так ли это? Мы согласны с Ричардсом, утверждающим, что “метафорична сама мысль” [8, 47].

Синонимы, которые появляются благодаря метафоре, опираются на импликацию, на привычные и проверенные для данной общности определенные ассоциации. В этих условиях «синонимами являются не слова вообще, а слова в конкретных значениях, определяемые типизированными контекстами их употребления» [11, 128]. Если в таком понимании исходить из классификации Н. Ф. Алефиренко, то метафорические синонимы однозначно следует отнести к ряду «синонимов по сигнификату». Напомним, что с учетом наличия различных механизмов синонимического сближения слов, лингвист выделяет: «а) синонимию по денотату, когда у слов совпадает предмет обозначения, но не понятия...б) **синонимию по сигнификату, когда слова выражают одно и то же понятие, но обозначают разные предметы** (курсив наш), например: *кровоподтёк* – подкожное кровоизлияние, *синяк* – посиневший кровоподтек, *фонарь* – синяк, обычно под глазом» [1, 218].

В этой связи уместно добавить что, «образование синонимических единиц происходит на базе трех основных когнитивных процессов: ассоциирования, категоризации и лексикализации. Синонимические связи возникают в области пересечения нескольких категорий в зоне смысловой близости» [12, 8]. В процессе обусловленной когнитивной метафорической синонимии в одной из звеньев имплицативной це-

почки, обобщения опирающиеся на практику ассоциаций, выступают на передний план, и, следовательно, подвергаются лексикализации. Следует также отметить, что по признаку, присущему метафорической синонимии, ряд семантической градации делает возможным применение к новому измерению взаимосвязи различных понятийных связей. В результате этого возникают достаточно интересные переходные образы. В связи с исследованием проблем языковой метафоры как источника синонимии особый интерес вызывают рассуждения Ж. Вардзелашвили. Ученый пишет: «Становясь в переносном значении синонимичными, метафорические существительные употребляются как однородные члены, создавая определенную градацию признаков: "*В отдельных местах капли конденсируются, сгущаются, образуют ручейки, омуты, озера и полноводные реки хамства.*"; "*На верхнем холсте пестрел яркий узор красок — даже не узор, а взрыв цвета*" [3, 135].

Сравнительный анализ просторов семасиологии азербайджанского и итальянского языков позволяет закрепить факт наличия инвентаря метафорической синонимии и свидетельствует о наличии у носителей языка богатого воображения, несущего печать исторической действительности и системы этнокультурных ценностей. Безграничный интерес двух народов к искусству, неповторимость художественного мастерства сыграло решающую роль в обогащении синонимической базы языка носителей данного языка. Заметим, что определенная группа метафорических синонимов, имеющих в каждом из этих языков, лишь в восприятии его носителей может выступать в качестве синонимов соответствующих слов. Так, специфика этой метафоризации зачастую переводит их в статус фразеологических единиц, а это, в свою очередь, как правило, обуславливается отсутствием адекватного семантического эквивалента. Например: в азербайджанском языке в синонимическом ряду таких адъективных лексических единиц как “*xoşagəlimli*” (миловидный, приятный, привлекательный, симпатичный), “*qəşəng*” (красивый), “*mələhətli*” (обаятельный, очаровательный, приятный) есть место и слову “*suyuşirin*” (досл. *su* – вода, *şirin* – сладкий в знач. *располагающий к себе*) на итальянский и русский языки полностью адекватный (метафорически значимый) перевод этого слова невозможен. Аналогична и картина с итальянскими словами “*caro*”, “*amato*”, “*grazioso*”, “*simpatico*” в значении «милый», «дорогой». В синонимическом ряду этих слов есть и слово “*tesoro*” (в знач. «клад») и в азербайджанском, и в итальянском языках имеются метафорические синонимы, обусловленные синестезиальным восприятием. Если принять во внимание универсальность синестезиального восприятия, то можно с легкостью предположить, что можно с легкостью обнаружить их коррелянты в других языках. Например: слова “*acı*” (горькое) и “*tikanlı*” (колючее) в азербайджанском языке образуют синонимическую корреляцию, указанные же лексемы в словосочетаниях “*acı söz*” (букв. «горькое слово») и “*tikanlı söz*” (букв. «колючее слово») представляют собой случаи адъективной метафоризации. Аналогичные факты в итальянском языке исследованы у М. А. Кузьмина в его работе “Русская и итальянская адъективная метафоризация в сопоставительном аспекте”. Читаем: «В сфере синестетических метафор наиболее актуальными метафоризаторами... В итальянском языке выступают номинации визуального и тактильного признаков (*sguardo chiaro* «ясный взгляд», *parole lubriche* «непристойные (букв. скользкие)

слова». Синестезия употребляется для обозначения ментальных свойств человека, а также отвлечённого признака (*carattere brusco* «резкий (букв. *терпкий, кислый*) человек», *situazione politica fluida* «нестабильная (букв. *текучая*) политическая ситуация»)» [8, 21].

Схожие случаи универсалий можно проследить и на примере синонимии лексем, связанных с зоометафоризмами. Так, применительно к человеку в азербайджанском языке к слову “*hiyləgər*” (в знач. *коварный*) с легкостью можно подобрать зоосиноним “*tülkü*” (в знач. *лиса*) [10, 375], к “*qanmaz*” (*невежа; бестолковый, непонятливый*) – “*eşşək*” (*ишак*) [10, 112]; к “*cəsərətli*”, “*igid*” (в знач. *отважный, решительный, смелый*) – “*qoç*” (*бык*) [10, 233]. Аналогичное можно проследить и в итальянском языке. Например: метафорой “*lumaca*” (*улитка*) являются синонимы “*ləng*”, “*asta*” (в знач. *медленный*); “*mulo*” (*осел*) – “*tərs*”, “*inadkar*” (в знач. *упрямый*); “*farfalla*” (*бабочка*) – “*əxlaqsız*”, “*tərbiyəsiz*” (в знач. *невоспитанный, легкомысленный*) следует также добавить, что адекватный перевод подобных случаев метафории полностью зависит от наличия-отсутствия «общего идеоматического фонда» (термин принадлежит А. Смирницкому).

Данной проблеме посвящены и работы А. Гаджиевой. Ученый отмечает, что в отличие от английского языка в азербайджанском языке к слову “*quğ*” (в знач. *волк*) относятся не только слова “*zalım*” (в знач. *жестокий, бесчеловечный, безжалостный, бессердечный*), “*acgöz*” (в знач. *жадный, ненасытный, алчный*), “*uytici*” (в знач. *хищный, кровожадный*), но и равнозначно могут употребляться слова “*cəsug*”, “*qoçaq*”, “*mərd*”, “*döyüşkən*” (в знач. *смелый, решительный, неустрашимый, отважный, воинственный, боевой*) [5, 32]. В этом смысле для носителей итальянского языка, перенявшим латинский афоризм *Homo homini lupus est* «Человек человеку волк» (в современном итальянском языке в качестве латинского реликта сохранился вариант *Homo homini lupus*) вышеуказанный азербайджанский синонимический ряд будет непонятен. О невозможности избежать именно таких случаев М. Блек писал так: «В отличие от научного знания система общепринятых ассоциаций может содержать полуправду и даже ошибочные сведения, но для метафоры важна не истинность этих ассоциаций, а их быстрая активизация в сознании. (В силу этого метафора, актуальная в рамках одной культуры, может быть абсурдной в другой)» [2].

С этой точки зрения было бы неверным ожидать абсолютной адекватности зоометафор в азербайджанском и итальянском языках. Например: “*belva*” (“*uytici heyvan*” в знач. “*хищное, кровожадное животное*”) – “*qəddar*” (в знач. “*коварный, ярый, лютый, заклятый, заядлый, махровый; жестокий, безжалостный*”), “*civetta*” (“*bayquş*” в знач. “*вечно плачущий, ноющий, изнывающий*”) – “*daim özünə diqqət cəlb etmək istəyən qadın*” (в знач. “*женщина, постоянно требующая к себе внимание*”) “*moscone*” (“*milçək*” в знач. “*муха*”) – “*pərəstişkar*” (“*фанат, поклонник, обожатель*”); “*orso*” (“*ayı*” в знач. “*медведь*”) – “*tənhalıği xoşlayan adam*” (в знач. “*человек, любящий одиночество*”), “*ravone*” (“*tovuz quşu*” в знач. “*навлин*”)- “*lovğa*” (в знач. “*кичливый, хвастливый, высокомерный, надменный*”), “*gospo*” (“*qurbağa*” в знач. “*лягушка*”) – “*çirkin*”, “*iugənc*” (в знач. “*некрасивый, невзрачный, неказистый, дурной*”), “*serpe*” (“*ilan*” в знач. “*змея*”) – “*ikiüzlü*”, “*etibarsız*” в знач. “*двуличный,*

лицемерный, неискренний”; “mollusco” (“mollyusk” в знач. “моллюск”)- “zəif”, “gücsüz” (в знач. *слабый, бессильный, немощный*) и т. п.

В современном азербайджанском и итальянском языках имеется и такая группа случаев метафоризации, понятийные границы которой с легкостью могут преодолеть только носители данного языка т. е. они приобрели «международный статус». В основном, это «синонимы», исполняющие функции таких ономастических единиц как окказиональные онимы и мезонимы (об этом смотри подробно 7; 5-13) например: “Azərbaycan” (“Азербайджан”) – “*Odlar Yurdu*” (“Страна огней”), “Bakı” (“Баку”)– “*Küləklər şəhəri*” (“Город ветров”); “Roma” (“Рим”) – “*Città eterna*” (“*Əbədi şəhər*”- “Вечный город”), “Yuventus” (“Ювентус”) – второе название, принятое болельщиками футбольной команды и знатоками футбола; “*Vecchia signora*” (“*Qoca Senyora*”- “Старая сеньора”) и т. п.. Явление мезонимии может быть мотивировано как реальными факторами, так и конкретным литературным воображением, в некоторых же случаях авторство метафорической синонимии может принадлежать народу. Например: заслуга того, что “Рим” назван “вечным городом”, принадлежит Альбию Тибулу, который так условно назвал его в одной из своих незабвенных элегий. И, напротив, Баку получил свой оним “*страна ветров*” по своим климатическим особенностям, а “Азербайджан” – за наличие природных ископаемых (нефти и газа), и не имеют конкретного автора.

Выводы и перспектива. Изложенное выше охватывает лишь часть фактов метафорической синонимии в азербайджанском и итальянском языках. Однако анализ даже этих факторов позволяет пролить свет на значение указанного лингвистического явления.

Литература:

1. Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс / Алефиренко Н. Ф. – М. : Издательский центр «Академия», 2010, 384 с.
2. Блэк М. Метафора [Электронный ресурс] / Блэк М. // Теория метафоры. – М. 1990. – С. 153-172. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/black-90.htm>
3. Вардзелашвили Ж. Языковая метафора как источник синонимии [Электронный ресурс] / Вардзелашвили Ж. // Труды Тбилисского государственного педагогического университета им. С. -С. Орбелиани. – Том VII. Тб, 2000, 133-139. – Режим доступа: <http://vjanetta.narod.ru/metaf.html>
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Вежбицкая А. – М. : Языки русской культуры, 1971. – С. 299.
5. Гаджиева А. К. Зоометафоризмы (на материале английского и азербайджанского языков) / Гаджиева А. К. – Баку: Нурлан, 2006. – 151с. (на азербайджанском языке)
6. Заколотная Е. Е. Использование спортивной метафоры в других сферах деятельности [Электронный ресурс] / Заколотная Е. Е. // Roczniki Naukowe. Wyższej Szkoły. Wychowania Fizycznego i Turystyki w Białymstoku, 2010. – С. 171-175. – Режим доступа: <http://wsffit.com.pl/site-media/download/wydawnictwa/Roczniki%20WSWFiT%202010.pdf>
7. Климова М. В. Структуры переходного типа между именами нарицательными и именами собственными в русском языке / Климова М. В. . автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. – Елец, 20 с.
8. Кузьмина, М. А. Метафора как элемент методологии современного научного познания [Электронный ресурс] / Кузьмина, М. А. // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 42-51. – Режим доступа: <http://www.kirdina.ru/doc/news/9mar06/1.pdf>
9. Кузьмина М. А. Русская и итальянская адекативная метафоризация в сопоставительном аспекте / Кузьмина, М. А. . автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. – Новосибирск, 2009. – 29 с.
10. Словарь синонимов азербайджанского языка / составитель: Н. Сеидалиев. – Баку: Восток-Запад, 2007. – 424 с, (на азербайджанском языке).

11. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Шмелев Д. Н. – М. : Наука, 1973. – 280 с.

12. Шумилова А. А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка) / Шумилова А. А.. . автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н.. – Кемерово, 2009. – 24 с.

Байрамова Г. Мовна метафора як джерело синонімії в азербайджанській та італійській мовах / Г. Байрамова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 562–567.

У даній статті аналізуються синоніми на лінгвокультурологічному рівні та значення метафоричних синонімів у азербайджанській та італійській мовах. Також наголошується, що за ознакою метафоричної синонімії ряд семантичної градації робить можливим застосування до нового виміру взаємозв'язку різних поняттєвих зв'язків.

Ключові слова: синонім, метафора, сигніфікат, культурологічний, внутрішньомовний

Bayramova G. Linguistic Metaphor as a Source of Synonymy in the Azerbaijani and Italian Languages / G. Bayramova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 562–567.

In this article the synonyms and the meaning of the metaphoric synonyms are analyzed on the linguo-cultural level in the Azerbaijani and Italian languages.

It is noted that for the character in the certain metaphoric synonyms, the catena of semantic gradation rend possible application of different conceptual relations to a new dimension.

Key words: synonym, metaphor, signification, culturological, intralingual

Поступила в редакцію 01.03.2013 г.